

© 2018 г.

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО. ЭНЦИКЛОПЕДИЯ. М.: ООО «Метатекст», 2017. 872 с.

Гносеологическая рефлексия по поводу соотнесенности предметного поля двух относительно молодых дисциплин – социолингвистики и социологии языка – далека от завершения. Какие-то жесткие принципы демаркации здесь вряд ли реализуемы. Скорее, проблема заключается не столько в межевании познавательных пространств, сколько – в определении векторов исследовательского внимания или аналитических ракурсов по отношению к объекту. В этом смысле минимальный консенсус может достигаться на основе достаточно ясной формулы: *социолингвистика* – это исследование общественных измерений языка, тогда как *социология языка* – «это изучение общества в его отношении к языку»¹. В несколько видоизмененном варианте дифференциация общей пограничной области знания происходит по линиям: язык как отражение социума и язык как социальный фактор².

Вместе с тем наряду с общепризнанным родством этих областей знания сохраняются существенные различия, зависящие от определенных исследовательских программ. Постановка задач изучения феномена коммуникативной среды, например, предполагает альтернативное видение, когда само это понятие («коммуникативная среда») «вводится не как социологическое, а как социолингвистическое». Предмет изучения в первом случае очерчивается вокруг оси «личность – общество», а во втором случае – вокруг оси «этническая группа – язык», демонстрируя разницу в акцентировании начал стратификации, с одной стороны, и этнических начал, с другой стороны³. Важно указать еще один принципиальный момент. Социологические грани общего познавательного пространства, формируемого вокруг тематического ядра «язык и общество», образуются на макроуровне социолингвистики, в том числе в связи с концептуальными и прикладными вопросами языковой политики, с языковыми измерениями образовательной сферы⁴. Согласно авторитетной точке зрения В.М. Алпатов, «под общим названием “социолингвистика” на деле скрывается несколько дисциплин, весьма различных по своей методике. Например, исследование языковых конфликтов или языковой политики напрямую соприкасается с социологией, а от собственно лингвистических методов здесь остается немного»⁵.

В рассматриваемом издании содержатся две (к сожалению, довольно лаконичные) словарные статьи с определением социологических аспектов изучения языка и общества

¹ См.: Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Социолингвистика и социология языка. СПб.: ИЦ «Гуманитарная академия», Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2004. С. 17; Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. М.: Юрайт, 2016. С. 13.

² См.: Крючкова Т.Б. Развитие отечественной социолингвистики // Социолингвистика вчера и сегодня. М.: ИНИОН РАН, 2008. С. 17.

³ См.: Виноградов В.А., Коваль А.И., Пархомовский В.Я. Социолингвистическая типология. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. С. 12, 16, 21.

⁴ Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. Указ. соч. С. 30; Арефьев А.Л. Социология языка. Национальные и иностранные языки в системе образования. М.: Издательство Юрайт, 2018; Mesthrie R. Sociolinguistics and Sociology of Language // The Handbook of Educational Linguistics / Ed. by B. Spolsky, F.M. Hult. Oxford: Blackwell Publishing, 2008. P. 67–68.

⁵ Алпатов В. Языкознание: От Аристотеля до компьютерной лингвистики. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. С. 169.

в их обоюдной детерминированности. *Социология языка* трактуется как «научное направление, изучающее “социально-моделированное поведение в связи с сохранением языка, переходом от одного языка к другому, языковым национализмом, языковым планированием и т.д.”, в то время как социолингвистика занимается “социально обусловленной вариативностью в употреблении языка” (Д. Фишман). Социолингвистика относится к социологии языка как часть к целому; социологическая дисциплина, исследующая взаимоотношение языка и общества под углом зрения социологии (Р. Гроссе, А. Нойберт)» (с. 457). Наряду с этим приводится также краткая дефиниция лингвосоциологии (*лингвистической социологии*), которая, по предложению Л.Б. Никольского, трактуется как обособленная область познания, нацеленная на рассмотрение «языковых процессов в качестве составной части социальных процессов, а языка – как фактора социального развития наряду с экономическими, идеологическими и др. факторами» (с. 258). При этом социолингвистика также расценивается в виде одного из основных компонентов лингвосоциологии, наряду с собственно с социологией, которая с другими общественными науками «прямо и непосредственно» использует языковые данные (с. 258).

Рассмотрим рецензируемое издание с точки зрения социологической релевантности его содержательных сторон. Прежде всего, подготовленное Научно-исследовательским центром по национально-языковым отношениям (НИЦ НЯО) Института языкознания РАН издание – значительно расширенная и обновленная версия предшествующей двухтомной социолингвистической энциклопедии, посвященной письменным языкам и языкам малочисленных народов Российской Федерации⁶. Обращает на себя внимание последовательное выдерживание канонов энциклопедичности, во-первых, и подходов, условно говоря, мультимодальных по характеру, во-вторых. Обобщающая картина накопленных достижений отечественной социолингвистики сопровождается систематизированным, панорамным отображением языковой жизни России в ее сложном разнообразии.

Материалы энциклопедии в структурном отношении организованы по четырем алфавитно-систематическим принципам: (1) развернутые статьи, посвященные теоретическим основаниям исследовательским методам социолингвистики, представляющие собой по существу комплексное монографическое изложение по ключевым темам в своей отрасли знания; (2) словарные статьи с краткими дефинициями терминологического аппарата, используемого в научном изучении функционирования и взаимодействия языков, включая десятки и десятки понятий социологического (в том числе – этносоциологического) профиля; (3) социолингвистические «портреты» языков коренных народов России – трех десятков языков с численностью носителей свыше 50 тыс. человек и свыше шести десятков языков малочисленных народов страны, содержащие подробные характеристики параметров социальных функций этих языков и динамики их присутствия в различных сферах общения; (4) статьи, содержащие комплексную характеристику языковой ситуации в Российской Федерации и в 22 республиках. Помимо этого имеется раздел, содержащий компактные сведения о деятельности НИЦ НЯО Института языкознания РАН и весьма, на наш взгляд, информативные и полезные библиографические справки о его сотрудниках, составивших костяк авторской команды энциклопедии. Этот внушительный, добротным образом упорядоченный массив сведений отражает не только познавательный потенциал современной отечественной социолингвистики, но и сложную онтологию ее предмета – особенности функционирования языков страны, их пространственные параметры, социальные контексты, нормативный строй российского языкового многообразия.

Ожидаемые и, казалось бы, органичные для жанра научного справочного издания подходы, основанные на постулатах, аксиомах или ранее апробированных положениях, отнюдь не занимают главенствующего места. Напротив, в большинстве теоретических

⁶См.: Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 1. М.: Academia, 2000; Письменные языки мира: Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Кн. 2. М.: Academia, 2003.

статей эксплицитно излагаются источники проблематизации, познавательные затруднения как самого предметного поля социолингвистики, так и ее логико-методологические основания, и категориального аппарата. Соответствующие вызовы объясняются и самой междисциплинарной природой этой области исследования, и смысловой раздробленностью информационного пространства – научного и публицистического – в тематических горизонтах «язык–общество», и прежде всего относительной молодостью социолингвистики как научной дисциплины.

Конвергенция языкознания и социологии, поиски реального синтеза – перспективы далеко не самоочевидные. «Без разработки фундаментальных проблем социолингвистические исследования надолго останутся фрагментарными, непригодными для широких обобщений и теоретических выводов. Эти опасения для социолингвистики тем более реальны, что социолингвистические проблемы, во-первых, в той или иной степени, в том или ином аспекте рассматриваются в трудах специалистов других отраслей знания (социологов, этнографов, политологов, философов), во-вторых, они широко обсуждаются общественностью» (с. 356). Задачи интеграции лингвистического и социального способов познания единого объекта – «язык и общество» связаны с необходимостью избежать односторонних решений, искусственной и тупиковой гибридации или эклектических приемов. «Именно к таким междисциплинарным наукам и относится социальная лингвистика, которая, развиваясь, постоянно рискует превратиться то в социологию языка, то вообще выйти за пределы социума и заняться языковой жизнью отдельного индивида» (с. 450).

Ситуация, в которой пребывает рассматриваемая дисциплина, отмечена продолжающимися усилиями по созданию собственных теоретических основ, концептуальных рамок, понятийного аппарата и методов. Сказанное может служить хорошим поводом для того, чтобы рассмотреть потенциальные сценарии или модели взаимодействия различных дисциплин в социальном познании. На этот предмет существуют качественно различающиеся версии: мульти-, интер- и трансразновидности междисциплинарной интеграции⁷. Интенции авторов энциклопедии в области концептуализации своих научных подходов склоняются, по большей части, к последнему из трех названных вариантов: «...основанием любой социолингвистической теории не может быть ни та или иная теория языка, ни какая-либо теория социума в отдельности. Необходим рациональный синтез социальной и лингвистической теории» (с. 357–358).

Значительная часть теоретических статей включает положения, перечень переменных, категории и другие аналитические инструменты, которые демонстрируют социологическую релевантность: «Возрастная вариативность языка», «Гендерная вариативность языка», «Диаспора», «Понятийный аппарат социальной лингвистики: словарь», «Ситуативная вариативность языка», «Социальная вариативность языка», «Социально-коммуникативная система», «Сфера образования», «Сферы общения и язык», «Этнос и язык», «Языковые общности» и др. Можно также выделить группу статей, посвященных исследовательским методам и методикам, родственных социологии. Таким образом, социолингвистика и социология языка развиваются в зонах соприкосновения друг с другом и с другими областями знаний об обществе, и происходит это в ситуации отсутствия жесткой демаркации границ и в режиме диффузии.

Переходя к «субстантивной» и прикладной стороне энциклопедии, следует отметить, что приведенный массив данных об языковом многообразии России организован на образцовом уровне. Во-первых, принципы изложения и анализа эмпирического материала позволили экспертам достичь своего рода оптического эффекта стереоскопии при наблюдении за социальными параметрами языкового функционирования в нашей стране. С одной стороны, «портреты» языков, выполненные в лингвистических (в том числе – в ареальных) ракурсах, содержат сведения о внутренней структуре – фонетике, морфологии, синтаксисе,

⁷ См.: Wodak R., de Cillia R. Politics and Language: Overview // Encyclopedia of Language & Linguistics. Vol. 9. Oxford: Elsevier, 2006. P. 712–713.

лексике, отображают многомерные социологически релевантные параметры, включая характеристики языковых общностей и их этнокультурных свойствах, поселенческой дифференциации, сведения о владении языками, подробное описание социальных функций языка в сферах образования, науки, СМИ, искусства, религии, производства и управления. С другой стороны, разносторонне рассматриваются языковые ситуации в российских республиках с точки зрения социально-демографических параметров, показателей двуязычия и компонентного состава языкового софункционирования в различных сферах, практике законодательного обеспечения региональных языковых политик, социалингвистических типологий. Во-вторых, подкупает информативность энциклопедии. Сведения, которые включены в соответствующие статьи, оформлены в виде однородных величин, с выделением сопоставимых анализируемых параметров и временных рамок. Иными словами, авторы последовательно придерживаются избранного подхода к структурированию информации на алгоритмических принципах. Сказанное свидетельствует не только в пользу ценности энциклопедии в смысле ее справочного, науковедческого предназначений или, что весьма существенно, – пропедевтической ориентированности, но также и об эвристическом потенциале применительно к кроссрегиональным и межъязыковым сравнительным исследованиям. Обширная эмпирика может сослужить в роли эффективного ресурса для тех, кто только еще приступает к увлекательным занятиям в области социалингвистики и социологии языка, так и для экспертов и управленцев, связанных с разработкой и принятием решений в сфере языковой политики и этнокультурного развития народов страны.

Авторам энциклопедии, в то же время, можно было бы попенять за какие-то неудовлетворенные читательские ожидания. Несколько фрагментарно и лаконично выглядит библиографическое оснащение энциклопедии, когда за рамками остаются, к примеру, новейшие разработки зарубежных специалистов в области прикладной социалингвистики, и в первую очередь языкового планирования и языковой политики. Открытым остается вопрос о том, насколько обоснованно было воспроизводить большинство словарных статей с дефинициями ключевых категорий по изданному тем же кругом авторов в 2006 г. «Словарю социалингвистических терминов». Разумеется, никто не будет сомневаться в формальной правомерности таких решений. Однако в тех случаях, когда речь идет о категориях из смежных отраслей социально-гуманитарного знания («аккомодация», «анкетирование», «анклав», «геополитическое самосознание», «городское и сельское население», «демография», «диаспора», «евразийство», «иммигрант», «интервью», «межнациональная общность», «метрополия», «миграция», «народ», «население», «национальный вопрос», «социализация», «социальная группа», «социальная мобильность» и т.п.), можно, вероятно, было бы пригласить к сотрудничеству коллег-профессионалов, включая социологов. Впрочем, это может иметь объяснения, связанные с известными сложностями научно-организационного или ресурсного порядков.

Однако главное заключается в следующем – в распоряжение читателей, исследовательского сообщества, молодых ученых и студенчества, учителей словесности и обществознания, пытливых государственных администраторов, работников медиа и всех, кто стремится компетентно и ответственно (а не демагогически) участвовать в дискуссиях на темы языка и общества, отступило новое интеллектуальное приобретение, познавательная ценность которого неоспорима.

Н.М. МУХАРЯМОВ, Л.М. МУХАРЯМОВА

МУХАРЯМОВ Наиль Мидхатович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и права Казанского государственного энергетического университета (n.mukharyamov@yandex.ru); МУХАРЯМОВА Лайсан Музиповна, доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой истории, философии и социологии Казанского государственного медицинского университета (l.mukharyamova@yandex.ru). Оба – Казань, Россия.

MUKHARYAMOV N.M.*, MUKHARYAMOVA L.M.**

**Kazan State Power Engineering University, Russia; **Kazan State Medical University, Russia*

Nail M. MUKHARYAMOV, Dr. Sci. (Pol.), Prof. and Head of Sociology, Political Science and Law Department, Kazan State Power Engineering University (n.mukharyamov@yandex.ru); Laisan M. MUKHARYAMOVA, Dr. Sci. (Pol.), Prof. and Head of History, Philosophy and Sociology Department, Kazan State Medical University (l.mukharyamova@yandex.ru).

Language and Society. Encyclopedia. Moscow: ООО «Metatekst», 2017. 872 p.

© 2018 г.

Н.Р. МАЛИКОВА

СОЦИОЛОГИЯ ЖИЗНИ – МОЗАИЧНЫЙ ПОИСК ИНТЕГРАТИВНОЙ ТЕОРИИ

МАЛИКОВА Наиля Рамазановна – доктор социологических наук, профессор, департамент социологии, истории и философии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия (nrmalikova@mail.ru).

DOI: 10.31857/S013216250003181-2

Дефицит интерпретативных и интегративных концепций неоднократно отмечался в современной социологии, в том числе и российской: уход в фрагментарность, ограниченность презентации результатов опросов общественного мнения, сводящихся к комментированию процентных распределений ответов респондентов. Как правило, социологи в постмодерне все чаще стали обходиться без должного и адекватного теоретико-методологического обоснования своих исследований. О необходимости ориентации на парадигмальную четкость методологической рефлексии неоднократно указывал Ж.Т. Тощенко. Видимо, вследствие неудовлетворенности общими ссылками на мультипарадигмальность, концептуальную эклектику и разнородные западные концепты, он четверть века последовательно размышлял о назревшей потребности в интегративной теории. Это нашло свое отражение в статьях: «Возможна ли новая парадигма социологического знания?» (1991); «Социология жизни как концепция исследования социальной реальности» (2000), «Социология жизни как теоретическая концепция» (2015), «Жизненный мир – методологическая характеристика социологии жизни» (2015). И, наконец, в 2016 г. вышла в свет монография «Социология жизни». В рецензии на нее С.А. Кравченко подчеркнул интегральный характер концепции социологии жизни, который проявляется «в ее открытости для дальнейшего развития, включая потенциал рефлексии и движения к взаимодействию с новым теоретико-методологическим инструментарием»¹.

Так оно и оказалось. Ж.Т. Тощенко привлек к осмыслению возможностей и перспектив этой социальной теории представителей самых разных отраслей социально-гуманитарного знания, из многих регионов России, предполагая, что многомерное «предметное

¹С. 165, Кравченко С.А. Интегральная концепция социологии жизни (о книге Ж.Т. Тощенко «Социология жизни») // Социологические исследования. 2017. №8. С. 163–166.